

Мой Алтай

我的阿勒泰

В ПАМЯТИ И ЗАКОУЛКАХ
ВОСПОМИНАНИЙ

李娟

Ли Цзюань

Ad Marginem

Ли Цзюань

**Мой Алтай. В памяти и
закоулках воспоминаний**

«Ад Маргинем Пресс»

2002-2009

УДК 821.581-94
ББК 84(5Кит)6-44

Цзюань Л.

Мой Алтай. В памяти и закоулках воспоминаний / Л. Цзюань —
«Ад Маргинем Пресс», 2002-2009

ISBN 978-5-908105-17-0

Ли Цзюань (род. 1979) – самобытный, «дикий» голос современной китайской прозы. «Мой Алтай» – это сборник автобиографических рассказов и эссе, создававшийся на протяжении семи лет, с 2002 по 2009 год. Действие книги разворачивается в Алтайском регионе. Сквозь призму бытовых сцен и семейных историй автор рисует объемный портрет жизни на стыке культур, где переплетаются судьбы ее родных и коренных казахских обитателей этих мест. В книге размышления о любви, дружбе и природе человеческих отношений перемежаются яркими зарисовками суровой алтайской природы. Прозу Ли Цзюань отличает прозрачная простота слога, трепетное внимание к мелочам и удивительная способность через частный случай передать самую пульсацию жизни. В 2024 году по мотивам этой книги вышел одноименный сериал.

УДК 821.581-94
ББК 84(5Кит)6-44

ISBN 978-5-908105-17-0

© Цзюань Л., 2002-2009
© Ад Маргинем Пресс, 2002-2009

Содержание

От автора	6
Предисловие к третьему изданию	7
Предисловие к четвертому изданию	8
Книга 1. В памяти (2007–2009)	10
Что я привозила домой из Урумчи	10
Лошадь для меня	14
Сигареты «Птичка»	17
Телефон	19
На мотоцикле по Гоби	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Цзюань Ли

Мой Алтай. В памяти и закоулках воспоминаний

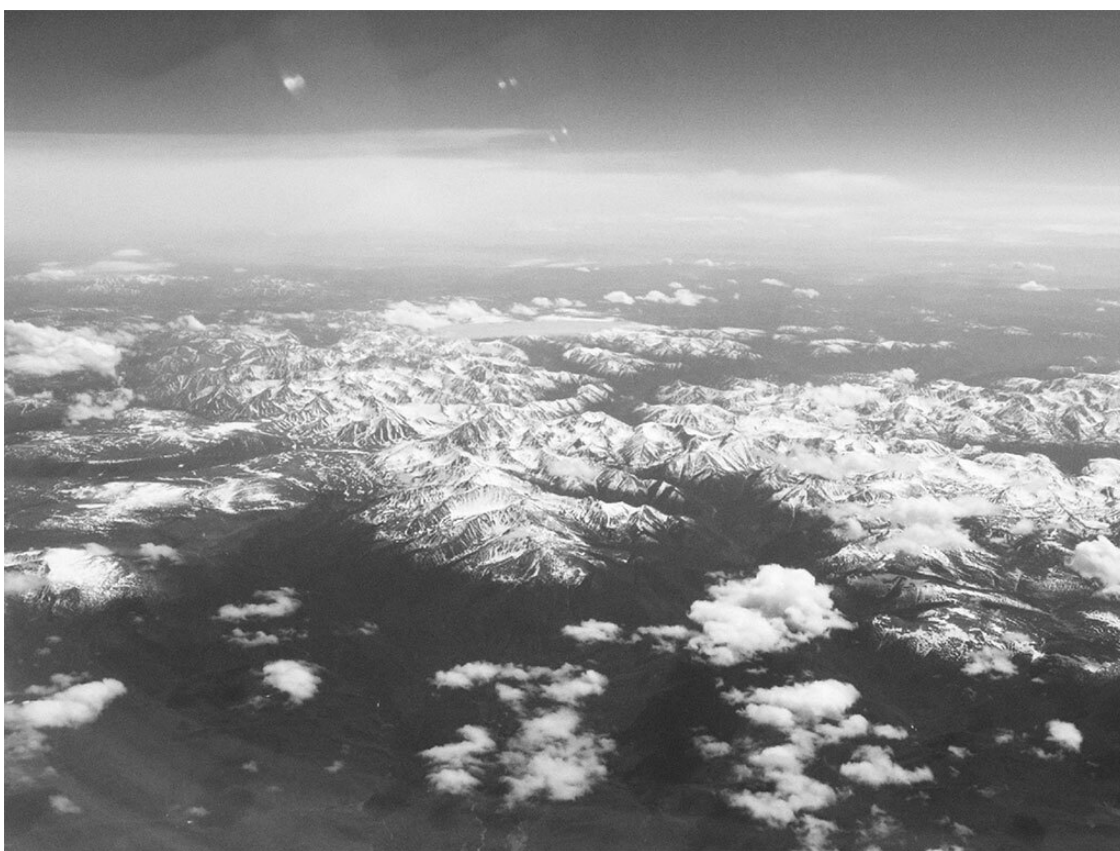
#####

##

Original Edition Published © By Guangdong Flower City Publishing House Co., Ltd., All Rights Reserved.

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

В качестве иллюстраций использованы снимки сервиса Wikimedia Commons.

Золотые горы Алтай. Франческо Бандари

От автора

Все рассказы, представленные в этой книге, связаны с моей сельской жизнью на Алтае. Значительную часть детства я провела в небольшом уездном городе Фуюнь Алтайского округа – самом северном районе Синьцзяна с преимущественно казахским населением. Во времена моей юности наша семья кочевала по горам Алтая, несколько лет мы жили бок о бок с казахскими пастухами. Позже я уехала и пять лет проработала в городе Алтае¹. Но моя мать продолжала заниматься своим небольшим бизнесом в скотоводческих районах. Можно сказать, что я никогда по-настоящему не покидала родной дом и мои работы всегда были тесно связаны с жизнью в Алтайских горах. Сколько бы я ни писала о той жизни, мне всё кажется, что этого недостаточно, и я никак не могу остановиться.

Сейчас я по-прежнему живу в отдаленной и тихой деревне Акхала², окруженной бескрайней дикой природой, где небо и земля девственно-белого цвета. В пасмурные дни белизна этого мира чистая и глубокая, в солнечные дни она искрится голубизной. В последние несколько дней температура упала до минус сорока градусов по Цельсию, сугробы поднялись выше окон, и в доме стало темно. Я живу одна. В ясную безветренную погоду мне приходится полдня прокладывать тропинку в сугробах от входной двери до ворот. Потом я прокладываю путь дальше, прорываясь наружу. Однако после расчистки двух-трех метров я выбиваюсь из сил. И потому в долгие зимние дни нет никаких следов, что вели бы к моему дому.

В тишине занесенного снегом жилища я снова и снова перечитываю свои записи прошлых лет, и мне становится тепло – именно благодаря медленной и кропотливой работе над ними я обрела себя нынешнюю.

Я расположила эти тексты в трех частях в хронологическом порядке.

Первая часть состоит из фрагментарных заметок из моей жизни за последние два года, опубликованных в основном в интернет-блоге. Мой опыт показывает, что спонтанные тексты зачастую более искренние и достоверные, чем тщательно выверенные. Поэтому я включила их сюда.

Вторую часть следует рассматривать как составляющую другой моей рукописи – «Уголки Алтая». Они написаны примерно в одно и то же время, имеют общий фон и пронизаны одинаковыми чувствами. «Я» в текстах – это героиня в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет – бедная, тщеславная, чувствительная и восторженная. Ощущения незабываемые.

Третья часть содержит фрагменты старой книги «Девять снегов», которую я написала много лет назад. Издатель хотел перевыпустить ее полностью, но после долгих раздумий я отказалась. Те детские сочинения показались мне самонадеянными, легковесными и напыщенными. Но в них были и наивные трогательные отрывки, которые даже сейчас у меня самой вызывают чувство зависти. Поэтому некоторые тексты я всё же решила опубликовать.

Так и сложился этот сборник. Книга может показаться несколько неоднородной, но она всесторонне отражает мой путь как писателя на протяжении многих лет. Для меня лично это процесс упорядочения и подведения предварительных итогов, для читателя же, надеюсь, – возможность посмотреть моими глазами на тихую непреходящую красоту отдаленных уголков Алтая и, быть может, понять мои эмоции. Пусть книга принесет вам радость.

Январь 2010 года

¹ Имеется в виду город Алтай Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

² *Кит.* Акэхала; по описанию Ли Цзюань, расположена в пустыне Гоби, недалеко от реки Урунгу, в 200 км от уездного города Фуюнь в СУАР КНР.

Предисловие к третьему изданию

Пошел седьмой год с момента выхода этой книги.

После нее я написала еще несколько больших работ, основанных на реальных событиях, а не на вымысле. Эта книга – пример нехудожественной литературы, которую принято называть нон-фикшен. Однако по сравнению с более поздними моими произведениями ее отличает скрупулезная работа над стилем, что позволяет говорить о книге «Мой Алтай» как о сборнике рассказов.

Наиболее значимое изменение в настоящей версии – отсутствие в ней третьей части. Поскольку я не планировала переиздавать свою дебютную работу «Девять снегов», то в свое время в качестве третьего раздела включила некоторые ее фрагменты в книгу «Мой Алтай». Однако в силу различных причин «Девять снегов» всё же были переизданы, что привело к дублированию ряда эпизодов в книгах под разными названиями. По моей просьбе в новом издании сборника «Мой Алтай» повторяющиеся фрагменты были удалены. Теперь все мои одиннадцать опубликованных книг не содержат повторов. И я могу вздохнуть с облегчением.

Май 2018 года

Предисловие к четвертому изданию

Эта книга издается уже одиннадцать лет.

Каждое следующее переиздание приносит новые открытия. Сейчас я обнаружила, что «юная» версия моего «другого я» содержит в себе нечто глубоко потаенное. Всего четыре-пять лет назад я была уверена, что мне нечего скрывать от себя и от других. Я открыто говорила о своих настоящих переживаниях и истинных чувствах, но, фиксируя их, не осознавала, что действую избирательно.

Эти тексты в основном описывают героиню в возрасте от восемнадцати до двадцати с небольшим лет. В то время «она» жила в сельской глуши – среди гор и пустынных равнин – и всегда чувствовала себя не совместимой с окружавшей ее действительностью. Люди находили эту девушку воспитанной и доброжелательной, в то же время немного странной и замкнутой. «Она» никогда не ходила в гости, никогда по собственной инициативе не заводила друзей. В свободное время всегда гуляла одна, отправляясь на берег реки или склоны холмов. «Она» не могла влиться в круг местной молодежи и не хотела принять тот образ жизни, который вели они. Но «она» никогда не осуждала их. Напротив, всегда завидовала...

Я, как автор книги, пишу эти строки, дорожу теми немногими моментами, когда «она» общалась со сверстниками. Например, «поединок» с мальчиком, купающим коня в реке, «любовь и ненависть» к младшему сыну Батая, случайная встреча с молодым чемпионом по скачкам, танцы с красивыми молодыми людьми на сельских праздниках, знакомство с сердечной и приветливой девушкой по имени Губэй, соседские отношения с Бижама... Я словно невзначай постоянно делюсь с читателем всё новыми и новыми деталями, извлекаемыми из закоулков моей памяти: о дружбе, любви, о чем-то сокровенном, свободном от правил... Их так много...

Вот, собственно, и всё. Самые прекрасные и яркие моменты того периода моей жизни – здесь.

Однако текстовая реальность способна заслонить собой реальную жизнь. Плотное, детализированное отображение действительности часто рождает иллюзии. Поэтому читатели могут вообразить, что я именно такая.

Как же я мечтала быть именно такой девушкой! Своенравной, яркой, непринужденной, жизнерадостной.

Мои рассказы вдохновили многих читателей. На самом деле они были адресованы прежде всего мне самой.

Прошло двадцать лет, мой характер почти не изменился, просто я больше не тревожусь о том, что меня считают не от мира сего... Сложно сказать, развитие это или регресс. Но, перечитывая эти строки, я вновь вижу себя молодой, стоящей там и вбирающей всё: жизнь казалась такой огромной, такой опьяняющей, будущее таким ослепительным, а врожденное желание любить таким сильным... Как та версия меня смогла принять собственную слабость и беспомощность? Я старалась казаться уверенной, поэтому пыталась изо всех сил держать равновесие и, стоя по другую сторону этих строк, мучительно тянула за собой саму себя... Но «она» была права. Разглядев это через «нее», я испытала в какой-то момент чувство неловкости и настороженности. Но потом подумала, что в последующие двадцать лет, возможно, и эта версия меня будет либо отвергнута, либо принята. Мой взгляд вновь устремлен в будущее.

Я выражаю признательность всем, кто за те одиннадцать лет, прошедшие с момента первого издания этой книги, прочел ее, а также заранее благодарю тех, кому только предстоит это сделать.

21 июня 2021 года

Курай, Алтай. Евгений Катанцев

Книга 1. В памяти (2007–2009)

Что я привозила домой из Урумчи

Однажды, возвращаясь из Урумчи домой, я купила двух крольчат. Продавец уверял меня: – Это не обычные кролики, это «карманные кролики» – они никогда не будут большими, едят мало, оченьмышленные. Потому и продаются по двадцать юаней за штуку.

Однако не прошло и двух месяцев, как кролики прибавили в весе по несколько килограммов. Они стали намного крупнее обычных домашних кроликов и были не просто толстыми, а очень толстыми, даже не могли прыгать – только ползали. Я и не знала, что кролики умеют ползать... К тому же они были невероятно прожорливы. Их рты с раздвоенной верхней губой с утра до вечера безостановочно перемалывали наши семейные запасы, которых становилось всё меньше. Кролики поглощали без разбора всё, что им попадалось. Однажды они съели даже мясо. Неужели кролики едят мясо? Я никогда не слышала об этом... Позже я узнала, что кроликам нельзя мясо: первый и единственный раз, когда они его съели, оказался для них последним.

В другой раз я привезла из Урумчи двух «золотистых хомячков» (Урумчи – место, полное чудес...). Я долго сидела на корточках перед выставленным на земле «товаром», разглядывала животных и всё яснее осознавала, что эти хомячки гораздо надежнее, чем те «карманные кролики», которых я купила в прошлый раз. И стоили они дешевле – всего пять юаней за штуку. Одним словом, я их купила. Увидев хомячков, мама тут же начала ругаться:

– Пять юаней?! Так дорого! Скажи мне, разве у нас дома мало мышей? Они бегают повсюду, а ты покупаешь их на стороне... – Присмотревшись, я согласилась, да, это действительно были мыши, только хвостики у них короче...

Каждый раз, возвращаясь из Урумчи, я привозила домой много разных вещей. Урумчи такой большой, там есть всё, и ко всему этому тянулись мои руки. Но дома мои подарки по большей части оказывались бесполезными. Перед тем как купить, надо понять, что на самом деле нужно семье. Мама как-то сказала мне, что сейчас в хозяйстве больше всего нужен осел, чтобы возить грузы в горы. Но... это было для меня совершенно невыполнимо.

А еще в то время нам требовалось двадцать-тридцать килограммов подков и гвоздей. Пастухи, перегонявшие скот, спускаясь с гор, нуждались в них. К тому же у моего дяди, который чинил пастухам обувь, закончились подметки сорокового и сорок второго размеров, и обрезки кожи для заплаток тоже были на исходе. Полки в нашей лавке зияли пустотой, сигареты и батарейки разошлись еще месяц тому назад.

Но каждый раз, когда я возвращалась домой, я привозила если и не бедовых кроликов, то бесхвостых мышей неизвестного происхождения.

Я жила в Урумчи, однако, не имея постоянной работы, получала немного. Но даже без денег я готова была оставаться там. Урумчи – огромный многолюдный город. Я бродила по улицам, поражаясь бесконечным жизненным возможностям, – так и хотелось раскинуть руки, обнять необъятное.

А ночами приходилось спать свернувшись калачиком.

Одеяло было слишком тонким, но, даже укутавшись в занавеску и во всё, что попадалось под руку, я по-прежнему мерзла. Пальто, застегнутое на все пуговицы, тоже не спасало.

Когда я позвонила домой, мама спросила:

– Тебе что-нибудь нужно?

Я ответила:

– Нет, не нужно, всё хорошо. Разве что одеяло тонковато.

На следующий день вечером мама вдруг появилась передо мной с одеялом из верблюжьей шерсти – таким толстым, что под ним можно было чуть ли не задохнуться.

Оказывается, что после разговора со мной мама купила верблюжьей шерсти, в ту же ночь постирала и высушила ее на печке. Затем с помощью ивовых прутьев разбила комки, распушила и растянула шерсть на всю длину одеяла, а потом аккуратно обтянула тканью. Мама не спала всю ночь, чтобы успеть до утра. А утром она села на автобус и с тремя пересадками через десять с лишним часов добралась до Урумчи.

Что еще я могла привезти домой? Каждый раз за день до моего возвращения я бродила по супермаркету. Заглянув в секцию «Товары для людей среднего и старшего возраста», увидела овсянку и решила купить. Дома показала родным.

– Смотрите, это овсянка.

Они были счастливы, потому что раньше только слышали о ней, но никогда не пробовали. Я, признаться, тоже никогда ее не ела, но без колебаний сразу сварила большую кастрюлю. Первым делом я подала миску бабушке, она улыбнулась, сделала глоток, помолчала, затем сделала еще один, выдавила из себя «вкусно». От третьего глотка она наотрез отказалась.

Как-то в супермаркете я купила тушеную свинину с овощами. Завернутые в пленку блюда стройными рядами стояли в холодильном шкафу, их содержимое казалось таким аппетитным – точь-в-точь как в моих детских воспоминаниях. Бабушка, увидев, тоже пришла в восторг. Пока я на кухне разогревала еду, она придвинула к плите табуретку, села и с воодушевлением начала рассказывать забавные истории о пиршествах, которые сама когда-то устраивала в деревне. В предвкушении вкусного обеда бабушка даже заранее разложила палочки. Я поставила блюдо на стол, она ловко подхватила палочками кусочек. Проглотив через силу, бабушка не смогла скрыть разочарования.

– Вкус уже не тот, что прежде! Совсем другой.

Всё, что я привозила из Урумчи, оказывалось большей частью ненастоящим... Но важнее было другое. Это означало, что прошлое – будь то вещи или ощущения – безвозвратно утрачено и его не вернуть. Бабушке тогда уже перевалило за девяносто, и ей трудно было совладать со столь стремительным «исчезновением» всего, к чему она привыкла за свою долгую жизнь.

В очередной раз я бродила кругами по супермаркету. Что же мне купить на этот раз? Ограничилась пакетом коричневого сахара. Где он только не продавался! Но на этикетке было написано: «Коричневый сахар предназначен для людей среднего и старшего возраста»... Мама, бабушка, на самом деле я просто лукавила.

Когда меня не было дома, мои близкие находились в компании кроликов или бесхвостых мышей. Кролики не спеша передвигались по комнате и в конце концов добирались до бабушкиных ног. Бабушка медленно наклонялась – потихоньку, полегоньку, не без труда дотягивалась до кролика, брала его на руки и сажала на колени. Она гладила кролика по мягким длинным ушам, сложенным на спине, и спрашивала:

– Досыта поел? Не голоден, нет?

Точно так же, как давным-давно спрашивала и меня:

– Досыта поела? Не голодна, нет?

Темнело, спускались сумерки – вот и еще один день прошел.

А когда появились мышки, их взяли с собой на летнее пастбище в горах. Мышки сидели в своих железных клетках, отгороженные от бескрайних зеленых лугов. Ночью мама взяла пальто и в несколько слоев укутала клетку, но боялась, что они всё равно замерзнут, потому сверху накрыла еще и свитером. Холодной ночью бесхвостые мышки от тоски и одиночества изо всех сил тянули в клетку мамину одежду и по кусочкам грызли ее. Их глазки в темноте были широко открыты.

Несмотря на то что мышки испортили мамину одежду, на следующую ночь она всё равно укутывала их. Мама, тыча пальцем в их макушки, громко ругалась и грозилась, что они будут

наказаны, если снова станут грызть одежду. Бабушка решила вынести их на воздух. С клеткой в руке, она, опираясь на палочку и пошатываясь, понесла их к траве. Она с трудом наклонилась и поставила клетку прямо на сочную зеленую траву, потом открыла дверцу и попыталась выманить мышей наружу. Но они и ухом не повели, а лишь прижались от страха к углу клетки. Бабушка ворчала, сетуя на маму за то, что та слишком строго отчитала мышек, и вот теперь они боятся и не хотят выходить. Бабушка снова наклонилась, просунула в клетку руку и осторожно по очереди вытащила их наружу – пусть порадуются зеленой траве и бескрайнему небу. Солнечный свет косыми лучами пробежал по лугу, и два мышонка робко коснулись травы, чувствуя под собой твердую землю. Но тут налетел долгий порыв ветра, и они, испугавшись, шмыгнули обратно в клетку и выходить отказывались, как бы бабушка их ни уговаривала.

Я всегда возвращалась из Урумчи с огромной хозяйственной сумкой, а дома гордо вынимала из нее вещи – одну за другой. Это для бабушки, это для мамы, а вот еще для дяди и сестренки. Даже при тусклом свете лампы было видно, как блестели их глаза. Я очень хорошо помню, как я тащила этот плетеный баул по заснеженным улицам Урумчи, выбиваясь из сил, преодолевая боль в пальцах от врезавшихся ручек, не узнавая никого из идущих мне навстречу.

Перед возвращением домой я каждый раз раздумывала: что же мне купить близким? И даже когда я долго брела по улицам, волоча свою огромную сумку, взгляд мой неизменно падал на кошек, щенков и другую живность. Я смотрела на них, но денег у меня было мало.

Повсюду продавались обувь, одежда, вкусная еда. Я понимала, что в сумку уже ничего не влезет. И вдруг заметила человека, который продавал крольчат, приговаривая:

– Это не обычные кролики, а «карманные», они никогда не вырастут большими, они смышленные, едят мало и неприхотливы.

И дальше я тащила баул, прижимая к груди клетку с «декоративными» кроликами.

Долгая дорога домой. Ночной автобус постоянно ломался и наконец ранним утром остановился перед одинокой маленькой закусочной посреди пустыни Гоби. Измученная, я сидела в промерзшем салоне (билеты в спальные автобусы тогда стоили дорого, я могла позволить себе только сидячее место), время от времени просыпаясь от холода. На остановке я вышла из автобуса и, держа в руках клетку с кроликами, зашла в закусочную, чтобы погреться у огня. В такой час там не было ни одного посетителя, столики и скамейки были пусты. Сигнал спутниковой антенны ловился плохо, телевизор показывал что-то невнятное. Откуда ни возьмись появилась дородная хозяйка-уйгурка, налила мне чашку горячего чая и мимоходом дала кроликам капусту. Затем вышел упитанный – под стать жене – хозяин, и мы все вместе сидели, греясь у огня, и наблюдали, как кролики методично грызут капусту. Я сказала:

– Это «карманные кролики», они никогда не вырастут большими, всегда будут такими, как сейчас.

Владелец воскликнул:

– Ух ты, неужели такими маленькими и останутся? Это ж себе в убыток! Несколько лет корми, а потом и одного блюда не приготовишь.

Мы рассмеялись. Затем он с наигранной серьезностью повторил:

– Ты смотри, такие маленькие, их и на одно блюдо не хватит.

До дома было еще далеко, но в гостях у этих людей я уже чувствовала тепло родного очага.

В поездке на автобусе меня всегда укачивало. Поэтому я села на скамеечку рядом с водителем, обнимая клетку с кроликами и изо всех сил стараясь держать спину прямой. Опасаясь, что кроликам станет плохо, я то и дело просовывала руку в клетку, чтобы погладить их. Среди ночи при свете фар деревья, росшие вдоль дороги, смыкали над ней кроны, образуя сказочный тоннель. Свет фар выхватывал всего несколько метров пути, дальше открывалась темная бездна бесконечно длинной пещеры. По мере того как небо на востоке постепенно светлело,

мне представлялся дом и то, как меня встречают, – я свалилась на кожух двигателя рядом с водителем и заснула. Вот такой он – долгий путь домой.

Когда кролики умерли, мама сказала мне:

– Больше не покупай нам ничего. Мы рады тому, что ты вернулась.

А бабушка добавила:

– Больше не покупай нам ничего. Как жаль, что кролики умерли... Ты вернулась – и хорошо. Я так по тебе скучала...

Помню нестерпимо палящее послеполуденное солнце на летнем пастбище. Две бесхвостые мышки возятся в зарослях травы. Мир такой огромный... Бабушка стоит рядом, опираясь на палочку, и улыбается. В этой ее мимолетной радости есть что-то грустное – ведь любая радость преходяща.

Лошадь для меня

Один человек когда-то задолжал моей семье много денег, но он уже умер. Согласно местным мусульманским обычаям, человека нельзя хоронить, пока не будут выплачены все долги, накопленные им при жизни. На похоронах имам обязательно спрашивает родственников покойного, есть ли у человека не оплаченные при жизни долги. И только получив отрицательный ответ, он продолжает читать заупокойные молитвы.

Однако у семьи покойного не было средств, чтобы вернуть долг. Находясь в отчаянном положении, они привели к моей матери одну из своих лошадей с просьбой взять ее в счет долга.

Мама, оказавшись в затруднительном положении, позвонила мне посоветоваться.

Она:

– Как ты думаешь, что мне делать с лошадыю?

Я:

– Оставь, будем ездить.

Она:

– У нас есть мотоцикл, зачем нам лошадь?

Я:

– Тогда не оставляй.

Она:

– Но я очень хочу...

Я:

– Зачем? Что ты с ней будешь делать?

Она:

– Оставлю, будем ездить.

После полудня она снова позвонила и радостно сообщила:

– Цзюаньэр, я приняла решение! Я оставлю эту лошадь и подарю ее тебе! На следующей неделе я приведу ее тебе в Алтай!

Эта новость меня просто ошарашила.

– Что я буду делать с лошадыю в городе?

– Будешь ездить на работу, тебе далеко добираться.

– Но мне хватает велосипеда.

– На велосипеде надо крутить педали. Лошадь гораздо лучше, сидишь себе и едешь, не прикладывая никаких усилий. На работе отпускай ее во внутренний двор вашего окружка³, пусть там пасется. А после работы привязывай к большой иве за домом у реки – там много травы...

Меня будто по́том прошибло.

– А светофоры? Она умеет распознавать сигналы?

Повесив трубку, я еще раз хорошенько всё обдумала. Даже в деревне Акхала, не говоря уже об Алтае, моя семья не имела возможности держать лошадь. Во-первых, у нас было мало корма для скота, его заготавливали для кур и уток, и то совсем немного – чтобы они пережили зиму, иногда и им не хватало, что уж говорить о лошади! Зимой фураж стоил очень дорого. Разве мы могли себе такое позволить? А зима у нас долгая – целых полгода!

К тому же наш двор в Акхале был невелик и завален всякой всячиной. Где там привязывать лошадь?

³ Сокр. окружной комитет партии (КПК) в КНР.

Я подумала, что, после того как лошадь окажется у нас дома, единственное, что нам останется, это забить ее... Увы! Какой же унылой и безрадостной должна быть жизнь, чтобы брать лошадь на мясо!

Всего два года назад моя мама очень хотела купить лошадь. Тогда у нас не было даже колодца и нам приходилось носить воду из реки Урунгу⁴ за два с лишним километра от дома. Летом было еще терпимо, но с наступлением зимы река покрывалась толстым слоем льда, так что приходилось брать из дома не только ведра с коромыслами, но и топор. Мы каждый день делали новую прорубь, потому что выдолбленная накануне за ночь замерзала.

Зимы в Акхале очень холодные, в январе и феврале температура нередко опускается ниже тридцати-сорока градусов. Ветер от реки пронизывает до костей. Снега наваливает по колено, а на бескрайних белых равнинах, простирающихся до самого горизонта, не найти следов человека.

Моя мама решила, что поскольку у нас нет лошади, то неплохо бы завести осла. Это позволило бы нам за один заход приносить воды на три-четыре дня, экономя силы и нервы.

В тот год лето выдалось невероятно жарким. К полудню деревенские дороги пустели. Солнце палило нещадно, а комары роились в траве тучами, словно густой дым.

Но чтобы заготовить корма на зиму для нового члена семьи – лошади или осла – домашним всё равно пришлось бы выходить на заготовку сена – а в жару это, поверьте, совсем не просто!

Тем летом нам всё же удалось запасти и измельчить довольно много сена и набить им несколько мешков. Но даже этого, похоже, было недостаточно. От лошади мы в итоге отказались. Зато решили вырыть во дворе колодец.

Мы копали колодец зимой, поскольку именно зимой уровень грунтовых вод самый низкий. Это было настоящее чудо – старательно рыть глубокую яму и вдруг обнаружить воду! Один человек лопатой с коротким черенком копал землю на дне колодца, а другой – поднимал наверх ведра с землей. Наши безграничное терпение и упорный труд постепенно заставили землю Акхалы пробудиться и открыть глаза. Земля увидела нас, признала и только тогда по-настоящему приняла.

За два года был построен новый дом, вырыт колодец, и деревца, посаженные во дворе, укоренились. Мы воспользовались инициативой «Новое сельское строительство», и сельский комитет прислал людей, чтобы перекрасить стену вокруг нашего двора. Никто в деревне больше не относился к нам как к чужакам.

Что до лошади, то потребность в ней отпала сама собой.

Но даже сейчас лошадь остается моей заветной мечтой! От одной только мысли о том, что ты мчишься на лошади, уносящей тебя в неведомую даль, в жилах закипает кровь.

Алтай хоть и небольшой город, но весьма оживленный – с беспрерывным потоком машин и множеством вывесок по обеим сторонам улиц. Однажды я увидела, как по этим улицам мчался всадник. Это был по-настоящему стремительный бег: подковы, касаясь твердого и гладкого асфальта, выбивали звонкую и частую дробь. Со всех сторон лошадь окружали машины, но она, казалось, не замечала их, будто уже многое повидала на своем веку. В сельской местности, если всадник издали видел приближавшуюся машину, он обычно осаживал лошадь и съезжал с дороги, чтобы та не испугалась и от страха не понесла.

Я стояла и замороженно смотрела вслед всаднику и его лошади, пока они не скрылись за углом. Я даже не сразу осознала, что они пронесли на красный свет.

Город Алтай находится в скотоводческом регионе, но большим стадам, перегоняемым на новые пастбища, запрещено передвигаться по главным улицам. Кочевые караваны всегда обходили центр города. Я никогда не слышала о каких-либо особых правилах поведения чело-

⁴ Кит. Улуньгу, монг. Булган Гол.

века и лошади в городе. Поэтому, пытаясь разрешить парадоксальный вопрос – почему кто-то ездит по улице верхом на лошади, я задалась и другим вопросом: почему никто не ездит по улице верхом на лошади?

В уезде Фуюнь всё иначе: увидеть всадника – дело привычное. В Акхале и подавно – это норма. И всё же стоило ли маме предлагать мне лошадь, чтобы ездить на ней из дома на работу и обратно? Ведь это так заманчиво!

Представьте: вы верхом на лошади доставляете документы в канцелярию или отдел образования... Полный восторг!

Если бы у меня была лошадь, что бы я сделала ради счастья обладания ею? Во-первых, мне пришлось бы переехать на окраину города, построить новый дом с просторным огороженным двором и обработать большой участок земли вокруг дома, засеяв его сочной зеленой травой. Еще мне нужно было бы выйти замуж за того, кто любит и умеет ухаживать за лошадьми, желательно с большим опытом. Кроме того, мои будущие дети тоже должны любить лошадей. Итак, мне следовало бы ради лошади остаться здесь навсегда, навсегда... Другими словами, если я по-настоящему не полюблю Алтай и не решу остаться здесь навсегда, я никогда не смогу завести лошадь.

Я хотела еще раз позвонить маме и спросить о лошади, но подумала и решила этого не делать.

Сигареты «Птичка»

Моя мама – благодаря житейскому уму и природной смекалке – легко преодолевала сложности китайско-казахского общения. Она даже изобретала множество новых слов, что нередко сбивало с толку местных скотоводов, пытавшихся освоить китайский. Ужас полнейший!

Помню, приехала я домой в новом платье, и каждая женщина, которую я встречала на улице, дотрагивалась до моего рукава, щупала ткань и спрашивала:

- Что за материал? Блестит-то как!
- Да... – Я, запинаясь, выдавала точное название. – Мерсеризованный хлопок.
- Какой-какой?
- Мер-се-ри-зо-ван-ный. Правда, это не совсем хлопок – синтетика.
- Син... что?
- Ну акрил, полиэстер и тому подобное.
- Акрил? Полиэстер?

Женщины в растерянности отходили.

А моя мама в такой ситуации сказала бы как отрезала: «Пластик!»

И сразу всем стало бы понятно.

* * *

В нашу лавку как-то зашел молодой человек и спросил сигареты «Сяоняо» («Птичка»). Покупатель говорил на нормативном китайском, но я несколько раз переспросила название.

Выбор сигарет у нас невелик, и после беглого осмотра полка я вынуждена была признаться:

- Нет у нас таких сигарет.
- А это что?

Я посмотрела, куда он указывал... И?! Это сигареты с названием «Сянсыняо» («Сутора»)!

Удивляться тут нечему: во-первых, названия «Сяоняо» и «Сянсыняо» звучали похоже, а, во-вторых, на пачке сигарет «Сянсыняо» действительно была изображена маленькая, похожая на синицу, птичка сутора...

Честно говоря, с нашим ограниченным знанием казахского объяснить жителям села, что такое «Сянсыняо» и как это связано с птицей, не менее сложно, чем подняться по крутым тропам в сычуаньские горы.

Мамины языковые опыты могли показаться кому-то небрежными и легкомысленными, но они свидетельствовали о том, что она хорошо понимала реалии местной жизни и действовала в соответствии с ними.

Однажды соседская девочка зашла в лавку купить «бах-бах».

Я была в полном замешательстве.

- Что это?
- Бах! Бах!
- Что за бах-бах?
- Просто: бах-бах, бах-бах-бах!

Я подала ей молоток, она покачала головой, потом предложила гвозди, но нет, не то.

Мне оставалось только улыбнуться и сказать:

- Мы не продаем петарды, и гречки орехи тоже не продаем.

– Нет! – У девочки были достаточно длинные руки, поэтому она сама потянулась к полке и указала на нужный товар... Оказалось, это бутылка галяновой водки в форме ручной гранаты... Несомненно, это был еще один языковой шедевр моей мамы.

Давно, во время летних пастбищ, она придумала слово «кала-могу» (по-казахски «кара-могу»), что означает «черные грибы», или грибы муэр («древесные ушки»), которые растут в густых лесах Алтайских гор. Получилось простое и красивое сочетание слогов, которые, «цепляясь» друг за друга, легко запоминались. Так название древесных грибов – кала могу – распространилось на всю округу и до сих пор в ходу у местных жителей.

Кроме того, моя дорогая мама придумала называть золотую рыбку золотым слитком, а павлина, буквально «большую птицу», переименовала в красивую птицу с большим хвостом.

В нашей лавке продавались сигареты разных марок. Чтобы упростить себе и покупателям жизнь, мама придумала называть все сигареты по цвету упаковки. Так, помимо сигарет «Сутора», ставших «Птичкой», другие марки были переименованы в «Красные», «Зеленые», «Белые» и «Желтые». Если белая упаковка была у двух марок, их различали как «Белые с этой стороны» и «Белые с той стороны».

Моя мама каким-то удивительным образом научила скотоводов многим чужим для них словам, таким как «наседка», «пиджак» или «период покоя» для растений. Слово «удивительный» я использую здесь не случайно – просто поразительно, как ей удавалось доступно и понятно объяснять сложные для понимания в тех условиях выражения!.. Скотоводы, например, не разводили кур, что дает им знание о наседке?

Телефон

Деревня Акхала была настолько маленькой и глухой, что первыми телефонами там стали так называемые спутниковые телефоны (которые на самом деле не имели никакого отношения к спутникам). Эти телефоны были не только запредельно дорогими, но и обеспечивали крайне низкое качество связи. Сигнал глох при сильном ветре или в дождь, в такую погоду невозможно было ни самому позвонить, ни до тебя дозвониться.

Позже некоторые стали пользоваться переносными телефонными аппаратами – по сути беспроводными стационарными телефонами. Они выглядели точно так же, как обычные телефоны с трубкой, базой и клавиатурой, но без телефонного провода. Их нужно было заряжать каждые два дня. Они считались достаточно удобными и практичными, работали в ветер и в дождь. Ими можно было пользоваться в машине, пока едешь до уездного центра, расположенного в двухстах с лишним километрах. Другими словами, это были мобильные телефоны, но выглядели они как стационарные.

Телекоммуникационные компании предоставляли аппараты бесплатно, стоимость связи была довольно низкой, поэтому моя семья тоже обзавелась таким телефоном. Мама была в восторге, она повсюду носила этот огромный телефон в большой сумке через плечо и никогда с ним не расставалась. Порой телефонный звонок настигал маму, когда она шла по улице в уездном центре. Быстро вытащив аппарат из сумки, она брала трубку и начинала говорить, не обращая внимания на изумленные взгляды прохожих. А они, наверное, гадали, почему бы ей просто не взять с собой мобильный...

В нашей далекой Акхале тоже скоро появится мобильная связь. Строится новая автомагистраль, прокладываются оптоволоконные кабели, однако стационарные телефоны по-прежнему очень востребованы. Вот и мы собираемся установить в магазине еще один проводной телефон-автомат. Беспроводные портативные телефоны удобны, но их нужно заряжать.

После завершения строительства дороги вдоль нее будут установлены новые столбы линии электропередач, прорыты дренажные канавы, появится новая инфраструктура. Модернизация привела к тому, что в последние годы в затерянную в пустыне маленькую Акхалу стало приезжать много рабочих-мигрантов из других районов Китая. Каждый день во время перерыва или после работы они толпились у нас в магазине, чтобы позвонить по межгороду. А это значит, что мы уже не могли вернуться домой раньше десяти вечера.

Звонили в основном молодые люди, впервые оказавшиеся вдали от дома.

– Это я, мама. Ты уже поужинала? У тебя вечер? У нас еще светло, в Синьцзяне темнеет позже... У меня здесь всё хорошо, еда вкусная, мясо ем каждый день, иногда два раза в день... Начальник у нас хороший, заработки тоже неплохие, я рано заканчиваю работу и сразу возвращаюсь в общежитие ужинать... Мама, мы говорим с тобой уже почти три минуты, ну всё – я кладу трубку?

Тут же брал трубку следующий, набирал номер и говорил:

– Мам, ты как, уже поела? Стемнело у вас? Здесь еще светло, в Синьцзяне темнеет поздно... Здесь всё не по мне! Мяса нет совсем... Вот! Начальник над нами измывается и всё время заставляет работать! Отпускает с работы поздно, я ужинаю, когда совсем темно... Мама, ну всё, мы с тобой разговариваем почти три минуты – вешаю трубку!

Забавно, но эти двое наверняка работали у одного и того же начальника и выполняли одну и ту же работу...

Случалось, что мать звонила своему сыну.

– ...Дитя мое, запоминай всё, что я тебе буду говорить, – каждый раз, когда я тебе звоню. Слушайся бабушку, слушайся тетю, слушайся учителя... – Она говорила дольше всех, и даже десять минут спустя всё еще объясняла только третье из всего, что хотела сказать:

– ...Дитя мое, затапливая печь, сначала положи растопку, подложи под нее подпорки, добавь стружки, и только потом разжигай огонь. Если стружки нет, можешь использовать солому. С огнем не балуй. Когда он разгорится, потихоньку добавляй дрова. Начинай с мелких, постепенно накладывая сверху более крупные. Если дрова не разгораются, осторожно подуй на них, только смотри, чтобы они не закрыли дымоход. Для начала подложи вниз под подпорки хворост, затем добавь стружку, если стружки нет, подойдет и солома. Если огонь так и не разгорается, осторожно снова подуй на него, старайся защитить лицо от пепла. Начинай с дров поменьше, а не с крупных. Под подпорками должен оставаться зазор, если стружки нет, подойдет солома...

Мама шепнула мне на ухо:

– Вот это и называется учить уму-разуму.

* * *

Пришел мужчина отчитаться жене о своих делах. Он так долго ходил вокруг да около и мешкал, что люди в очереди, потеряв терпение, один за другим начали подходить, перехватывать трубку и что-то в нее говорить.

Первый:

– Мне после работы никуда не хочется идти...

Другой:

– Вранье! Он целыми днями не работает, начальник уже устал на него кричать!

Первый:

– Я сам стираю свою одежду...

Другой:

– Да он каждый день просаживает деньги, играя в азартные игры!

Первый:

– Конечно, протираю...

Другой:

– Он проиграл уже двести юаней!

Первый:

– Просто вода плохая, очень жесткая...

Другой:

– Пусть признает проигрыш и вернет мне мои двести юаней!

Первый:

– Да я вообще не играл!

Другой:

– Играл!

Первый:

– Говорю же, не играл!

Другой:

– Верни мне деньги!

Первый:

– Не слушай эту чушь!

Другой:

– Сестрица, Чэнь Саньэр ходит к проститутке!

На другом конце провода повисло напряженное молчание. А потом мы с мамой отчетливо услышали женский голос, взлетевший аж на восемь октав:

– Что?! У тебя еще хватает денег ходить по проституткам?

Чэнь Саньэр от злости начал заикаться.

– Нет... не слушай их, это чушь, им... им только бы языком молотить...

Все, как подорванные, закричали:

– Чэнь Саньэр, верни деньги! Верни деньги! Срочно верни деньги, Чэнь Саньэр!

Чэнь Саньэр быстро распрощался, повесил трубку и бросился с кулаками на обидчиков.

Одним словом, наш телефонный бизнес процветал. Хотя во всех магазинах в округе были телефоны-автоматы, наш был самым востребованным. Даже местные молодые казахи предпочитали терпеливо стоять у нас в очереди, чем идти в другое место.

Позже мы узнали, что все молодые казахи, приходившие к нам в магазин, звонили своим возлюбленным. Поскольку мы в округе были единственной китайской семьей, им было проще выражать свои чувства при нас, чем в присутствии сородичей. Ускорив темп и пожертвовав четкостью речи, можно было говорить без стеснения. Но даже если бы мы понимали, о чем они говорили, нам не очень-то и хотелось их слушать! От какого-нибудь пятнадцатилетнего шалопая напротив прилавка – лицо покраснелось, от волнения заикается, еле сдерживает эмоции, то и дело потирает левую ногу о правую, а правую о левую – мы приходили в бешенство: треплется уже час или два, время к полуночи, он разве не понимает, что нам давно пора закрыть магазин и идти спать?

На мотоцикле по Гоби

Мотоцикл – исключительно ценная вещь, потому что он намного сильнее и выносливее человеческих ног. Если вы живете, как мы, на диких просторах пустыни, мотоцикл легко доставит вас туда, куда пешком не дойти. Конечно, долгая езда утомляет не меньше, чем ходьба. Особенно если поездка растягивается на пять-шесть часов, когда ваши ноги уже просто не разгибаются. Наш легкий мотоцикл с маленьким топливным баком выдерживает одного или двоих, ехать на нем вдвоем – и машине тяжело, и людям неудобно.

Других претензий к нашему мотоциклу у меня нет.

Я очень хочу научиться ездить на мотоцикле, но боюсь упасть. Помню, в детстве у меня почти полностью отсутствовало чувство равновесия, даже на качелях я не могла качаться. Мне потребовалось три года, чтобы научиться кататься на велосипеде, и полгода, чтобы просто толкать его... Короче говоря, я думала, что мне не стоит даже мечтать о том, чтобы управлять такой сложной машиной, как мотоцикл. Но я всегда любила быструю езду и часто представляла, как несусь на мотоцикле наперекор ветру и дождю... И, похоже, благодаря фантазиям я стала острее и зримее ощущать мир. С другой стороны... человек ограничен в своих возможностях, и в этом нет ничего плохого. Впрочем, раз уж мы заговорили о мотоцикле, давайте о нем и говорить! Стоя на земле, я рукой показываю – мне туда! И уверенно иду в том направлении. Однако меня до сих мучает возникшее однажды сомнение: а может быть, в этом мире и нет ничего невозможного? Мотоцикл же нам необходим, чтобы быстро, безболезненно и навсегда расстаться с... С чем? Не с той ли реальностью, в которой мы жили и живем и от которой нам не скрыться, не убежать? Что ж, может быть, это не так уж и плохо, когда я, стоя на земле, могу рукой показать: мне – туда!

Мотоцикл стал просто незаменимым, когда мы переехали из горных северных районов в деревню Акхала, расположенную в пустыне Гоби, недалеко от реки Урунгу, в двухстах с лишним километрах южнее уездного центра Фуюнь. Зимой поездка в уездный центр на машине стоила пятьдесят юаней, но, даже если вы готовы были заплатить эти деньги, гарантий, что вас повезут, никаких. В то время рейсовые автобусы в Акхалу не ходили, извозом занимались лишь частные нелегальные такси, в основном старые восьмиместные джипы с кузовом, которые совершали один-два рейса в день. Каждое утро еще до рассвета водители, объезжая деревню, подбирали пассажиров на улице прямо у домов, так что машина частенько наполнялась до отказа еще до того, как она подъезжала к нам. Случалось, машина не выезжала совсем и день-два по каким-то причинам простаивала у въезда в деревню. И тогда оставалось только сидеть и ждать.

То ли дело мотоцикл! Отправляешься в путь – куда и когда захочешь. Бензин на дорогу туда и обратно стоил всего двенадцать юаней, что позволяло сэкономить восемьдесят-девяносто юаней! Если ехали вдвоем, можно было сэкономить сто шестьдесят, вдвоем и того больше – аж двести пятьдесят юаней. Вот! К тому же на мотоцикле меня не укачивало.

Но была и другая сторона: в Гоби очень ветрено, и дороги там сплошное мучение. А для экономии топлива необходимо было контролировать скорость и не превышать установленный предел. Одна поездка длилась обычно четыре-пять часов – с ветерком. Ох как это непросто! Мама купила мне шлем, но он оказался таким тяжелым, что под ним у меня просто кружилась голова – аж до потери сознания. Постоянно удерживать шлем на голове было очень сложно, поэтому я сдвигала его на затылок. Но так в него задувал ветер и с силой тянул назад, а ремешок, как удавка, врезался в шею. У меня кружилась голова, непроизвольно высывался язык, передние зубы ныли от холода, пересыхало во рту. Я снимала шлем и прижимала его к груди. Тогда между мной и дядей, который был за рулем, образовывался большой зазор, позволявший ветру гулять как ему хочется. Многослойная одежда не спасала, ветер пронизывал

насквозь, я невольно чувствовала себя голой и незащищенной. Даже в перчатках пальцы, когда я держала шлем, мерзли, затекали, их невозможно было разогнуть. Получалось, что шлем надевать нельзя, но и не надевать тоже нельзя. Девать его было некуда, мотоцикл был маленький, а сзади полно багажа... С такой штуковиной, как шлем, справиться было невозможно.

Мы ехали в пустыне по грунтовой дороге (к нашему стыду, у моего дяди не было прав, а мотоцикл не имел номерного знака, поэтому мы не решались выезжать на шоссе), которая напоминала скорее не дорогу, а узкую, едва заметную, петляющую тропинку. Эта тропинка, похоже, была заброшенной, мы ехали по ней несколько часов, не встретив ни одной машины. Бугристая земля простиралась до горизонта. Небо, оставляя земле лишь четверть, занимало три четверти пространства и казалось бесконечным.

В открывавшемся нам мире не было ни границ, ни преград. В поле нашего зрения оказались три пыльных вихря. Тот, что прямо перед нами, был самый мощный – двадцать-тридцать метров в высоту, он, словно столб между небом и землей, раскачивался из стороны в сторону. Еще два – слева от нас, примерно в километре над белой и бесплодной соляной равниной. Вихри были белыми, как и сама земля. Небо же сияло синевой... Май, конец весны. В северных районах, где зима длится полгода, в мае весна только начинается. Вблизи почти не было травы, земля под ногами казалась комковатой и безжизненно бледной. Но вдали, до самого горизонта, расстилались зеленые поля. Ярко-белые солончаки, возникавшие то там, то здесь, тянулись бесконечно и вместе с зарослями травы, окружавшей их, расстилались причудливым бело-зеленым ковром. Позже мы увидели, как два белых вихря слева постепенно слились в один, а тот, что был впереди нас, медленно отступил, а потом исчез совсем.

Наш мотоцикл мчался с севера на юг, ветер дул с запада на восток, мои волосы, развеваясь, вставали дыбом. Боковой ветер яростно «давил» на правую щеку, отчего она совсем онемела. Окажись у меня тогда большой теплый платок, я бы укуталась в него с головы до ног, и мне всё было бы нипочем. Но у меня не было платка, поэтому, защищаясь от ветра, я снова надела шлем. Стало нечем дышать, и я опять сняла его. Оставшись без шлема, я осознала его ценность и дрожащими руками снова водрузила на голову. И вновь не смогла нормально дышать...

Сквозь изрядно посеченное песком и ветром пластиковое забрало моего дешевого (как все товары нашего магазина) шлема мир представал размытым, грязным и унылым. Закружилась голова, начала подступать тошнота, я невольно закрыла глаза... Какой же он тяжелый, этот шлем! Впрочем, не знаю, был ли он действительно тяжелым или такое ощущение возникало из-за моего самочувствия, но всю дорогу я горбилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.